

● ОТЧИЗНЫ СЛАВНЫЕ СЫНЫ

ЮРИЙ ГАГАРИН: «Я ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ ХОРОШО...»

(Комментарий к Главному полёту XX века)

Владимир ГУБАРЕВ.

Понятно, что речь идёт о полёте, который состоялся 12 апреля 1961 года и открыл новую эпоху в истории человеческой цивилизации — космическую. Мне посчастливилось не только быть свидетелем этого эпохального события, но и хорошо знать многих его участников и «виновников» — тех, кто отправлял на орбиту первого космонавта Земли. Некоторые из них стали моими друзьями, а с Олегом Ивановским, ветераном Великой Отечественной, ведущим конструктором «Востока» и замечательным товарищем, вместе встречаем эти праздничные космические дни. Его фамилия фигурирует в том уникальном документе, с которым мы знакомимся на страницах «Науки и жизни», — в докладе Ю. А. Гагарина на заседании Государственной комиссии, сделанном 14 апреля, то есть сразу после его старта в космос и возвращения оттуда.

Более четверти века доклад нёс гриф «сов. секретно» и не был поэтому известен общественности. К сожалению, конечно, так как он даёт иное представление о первом полёте человека в космос по сравнению с тем, которое сложилось у большинства из нас.

«Советская техника абсолютно надёжная» — говорилось тогда. Простая, казалось бы, фраза. Но она низводила человека до уровня робота, хорошо отлаженной машины, а по сути дела — винтика в социалистическом механизме.

Много раз мы, журналисты, аккредитованные на космодроме и в Центре управления полётами, пытались преодолеть примитивное представление о космонавтах и их нелёгкой, подчас драматичной работе на орбитах. Но чаще всего нам не удавалось пробить убеждения советской партийной и государственной верхушки. Потому и не удавалось полностью, до деталей рассказать о космических полётах. В том числе и о первом из них. А космонавты, получив приказ молчать, строго выполняли его. Что продемонстрировал сам Юрий Алексеевич Гагарин — он никогда не упоминал о многих деталях своего полёта, в том числе о тех десяти минутах из 108, которые были поистине трагичны. Он откровенно говорит о них в своём докладе, но потом из-за запрета никогда больше этого не повторял. Даже в узком товарищеском кругу... Гагарин был военным человеком, приказы выполнял чётко и неукоснительно, как и положено в армии. И это ещё одна очень хорошая черта характера Гагарина.

В 1961 году я работал в отделе науки «Комсомольской правды». Мы были хорошо информированы о подготовке к полёту первого человека в космос. В этом убеждают пять «гагаринских» номеров газеты, где мы подробно рассказали и о подготовке к полёту, и о нём самом, и о первых минутах, часах и днях Гагарина после его возвращения. Позже эти номера газеты (не удивляйтесь, пожалуйста!) были засекречены, а точнее — на материалы, опубликованные в них, нельзя было ссылаться... Напомню: космическая цензура, куда надлежало представлять все материалы, связанные с космонавтикой, появилась 18 апреля, то есть через неделю после полёта Ю. А. Гагарина. Так что мы в полной мере воспользовались «свободой»... И это позволяет сегодня, спустя полвека, прокомментировать некоторые фрагменты доклада первого человека, побывавшего в космосе.

...У меня такое впечатление, что всё происходит вчера, и я вновь слышу звонкий голос Юры и вижу его живую, удивительную, добрую и светлую улыбку.

Из доклада Ю. А. Гагарина:

Последняя предстартовая подготовка производилась утром. По мнению врачей, самочувствие было хорошее. Сам я чувствовал себя хорошо. Перед этим отдохнул. Выспался.

После чего производилось одевание скафандра. В технологическом кресле пробовали, как на скафандре лежит подвесная система, вентиляцию скафандра. Проверили связь через скафандр. Всё действовало хорошо.

Затем состоялся выезд на стартовую позицию в автобусе. Мы вместе с товарищами, моим заместителем был Титов Герман Степанович, и все мои друзья-космонавты, наше начальство поехали на старт. Вышли из автобуса, но тут я немножко растерялся. Доложил не председателю Государственной комиссии, а доложил Сергею Павловичу и Маршалу Советского Союза. Просто в какой-то момент растерялся.

Затем подъём на лифте, посадка в кресло штатным расчётом, в состав которого входили тов. Востоков, Олег Генрихович Ивановский. Посадка в кабину произошла нормально... Проверка оборудования прошла хорошо. При проверке связи сначала меня не слышали, потом стали слышать хорошо... Связь была двусторонняя, устойчивая. Хорошая связь.

Настроение в это время было хорошее, самочувствие хорошее. Доложил о проверке оборудования, о готовности к старту, о своём самочувствии. Затем произвели

закрытие люка № 1. Слышал, как его закрывают, как стучат ключами. Потом начинают отворачивать. Смотрю: сняли люк. Я понял, что-нибудь не в порядке. Мне Сергей Павлович говорит: «Вы не волнуйтесь, один контакт не прижимается чего-то. Всё будет нормально». Переставили плиты, на которых концевые выключатели ставятся. Подправили, закрыли крышку люка. Всё нормально...

Комментарий

Позволю себе повторить: Олег Генрихович Ивановский — мой друг. Такое впечатление, будто я знаю о нём всё. Он был пограничником, когда началась война. А закончилась она для него на Красной площади, где был Парад Победы. Лихой кавалерист прошёл в рядах лучших воинов Отчизны. А потом было КБ С. П. Королёва. А там первый спутник, первые полёты к Луне, старт «Востока» и других кораблей, «освоение» Венеры и попытки пробиться к Марсу. В общем, все начинания космической эпохи...

Уговорил написать книгу. Она вышла в «Молодой гвардии» и называлась «Первые ступени». Олег подробно и образно рассказал о работе космических конструкторов, об очень многих уникальных фактах и людях. И нет ничего «главного» и «второстепенного» — всё очень важно и нужно! Но всё-таки день 12 апреля 1961 года особенный. И о нём мы говорили с Олегом.

— Ты провожал Гагарина до корабля?

— Нас было четверо. Мы вместе поднялись на лифте. Подошли к люку. Юрий спрашивает у нашего монтажника: «Ну как?» — «Всё в порядке, «перьвый» сорт, как СП скажет», — ответил он. «Раз так — садимся». Потом была объявлена часовая готовность. Надо прощаться с Юрием и закрывать люк. Он смотрит, улыбается, подмигивает. Пожал я ему руку, похлопал по шлему, отошёл чуть в сторону. Крышку люка ребята накинули на замки. Все вместе быстро навинчиваем гайки. Всё! Вдруг настойчивый сигнал зуммера. Телефон. Голос Королёва:

«Правильно ли установлена крышка? Нет ли перекосов?» — «Всё нормально». — «Вот в том-то и дело, что ненормально! Нет КП-3...» Я похолодел. Значит, нет электрического контакта, сигнализирующего о нормальном закрытии крышки. «Что можете сделать для проверки контакта? — спрашивает Королёв. — Успеете снять и снова установить крышку?» — «Успеем, Сергей Павлович». Гайки сняты, открываем крышку. Юрий через зеркальце, пришитое к рукаву скафандра, следит за нами. Чуть-чуть перемещаем кронштейн с контактом и вновь закрываем крышку... Наконец долгожданное: «КП-3 в порядке! Приступайте к проверке герметичности»... Тридцатиминутная готовность. Мы покидаем площадку. Всё, теперь мы только зрители...

— Я понимаю, что этот великий день незабываем до мельчайших подробностей. Его нельзя определить одним словом.

— Можно. Это сделал Гагарин...

— И прошлое, и этот день, и будущее?

— Да. Всего одно слово — озорное и бессмертное гагаринское: «Поехали!»

Из доклада Ю. А. Гагарина:

Минутная готовность — и старт. С старта... слышно, когда разводят фермы, получаются какие-то немного мягкие удары, но прикосновение чувствую по конструкции, по ракете идёт. Чувствуется, ракета немного покачивается.

Потом началась продувка, захлопали клапаны. Запуск. На предварительную ступень выход. Дали зажигание, заработали двигатели, шум. Затем промежуточная ступень, шум усилился несколько. Когда двигатель вышел на главную, основную ступень, шум был такой приблизительно, как в самолёте. Во всяком случае, я готов был к большему шуму. Ну и так плавно, мягко она снялась с места, что я не заметил, когда она пошла. Потом чувствую, как мелкая вибрация идёт по ней. Примерно в районе 70 секунд плавно меняется характер вибрации. Частота вибрации падает, а амплитуда растёт. Тряска больше получается в это время. Потом постепенно эта тряска затихает, и к концу работы первой ступени вибрация становится как в начале работы. Перегрузка плавно растёт, но нормально переносится, как на обычных самолётах. В этой перегрузке я вёл связь со стартом. Даже при таких пробах немного трудно разговаривать: стягивает все мышцы лица.

Потом перегрузка растёт, примерно достигает своего пика и начинает плавно вроде уменьшаться, и затем резкий спад этих перегрузок, как будто вот что-то такое отрывается сразу от ракеты... Ну а потом начинает эта перегрузка расти, начинает прижимать, уровень шума уже меньше так, значительно меньше. На 150-й секунде слетел головной обтекатель... Такой тоже получился толчок, хлопок, толчок, и одна половина этого обтекателя как раз была против «Взора»... И этот обтекатель так медленно пошёл от «Взора», так он раскрылся, прямо видно конус этот весь, и он так медленно пошёл вниз, туда, за ракету.

В это время во «Взоре» видна Земля была. Очень хорошо, резкая, как раз ни облачности, ничего не было, и прямо складки местности, немножко гористый район какой-то был, по-моему.

Складки местности видно, лес видно, где реки большие, вот я не привязал, не

мог, конечно, там очень мало расстояние, или Обь, по-моему. Обь там была где-то в этом районе. Или Иртыш...

Продолжался полёт, кончила работу третья ступень. Затем, примерно секунд через десять произошло разделение, почувствовал я толчок на корабль — и началось медленное вращение.

Ну тут видел я горизонт, всё время вёл репортаж, звёзды, небо чёрное, прямо совершенно чёрный цвет неба... Очень красивый горизонт, видно прямо окружность Земли, горизонт и такой голубой цвет вокруг всей Земли, вокруг горизонта, такой нежный-нежный голубой цвет у самой поверхности Земли, затем постепенно темнеет, фиолетовый оттенок приобретает и переходит в чёрный цвет. В это время вёл устойчивую, хорошую связь с Колпашевым — «Зарёй-2».

При пролёте Елизово связь была не совсем хорошая... Производил записи наблюдений в бортжурнал.

Над морем получается не голубая, получается какая-то серая поверхность моря. Неровная такая, как вот на фотографиях пески. Мне кажется, что сориентироваться над морем будет вполне возможно. Произвёл приём воды и пищи. Воду и пищу принял нормально, принимать можно. Ну а таких физиологических ощущений, затруднений никаких я не наблюдал. Чувство невесомости несколько непривычное по сравнению с земными условиями. Здесь возникает такое ощущение, будто висишь в горизонтальном положении на ремнях. Как будто находишься в подвешенном состоянии. Видно, подогнанная плотно подвесная система оказывает давление на грудную клетку, и поэтому создаётся такое впечатление, что висишь. Потом привыкаешь, приспосабливаешься к этому. Никаких плохих ощущений не было.

Производил записи в бортжурнал, доклады, работал телеграфным ключом. Когда принимал пищу, пил воду, пустил планшет, и как-то он с карандашом тут плавал передо мной. Затем надо было мне записать очередной доклад. Взял планшет, а карандаша на месте не оказалось. Улетел куда-то. Ушко было привёрнуто к карандашу шурупчиком, но его, видимо, надо было или на клей поставить, или потуже завернуть. Этот шуруп вывернулся, и карандаш улетел. Свернул бортжурнал и вложил в карман: всё равно не пригодится, писать же нечем.

Перед входом в тень Земли в магнитофоне кончилась вся лента... Я принял решение перемотать ленту, чтобы произвести дальнейшие записи. Переключил его на ручное управление и перемотал. По-моему, не до конца перемотал. И затем, когда производил доклады, то запись на магнитофон производил вручную, так как при автоматической работе магнитофона он почти всё время работает и, естественно, много расходует ленты. Это вызвано высоким уровнем шума в кабине.

Перед этим я вошёл в тень Земли. Вход в тень Земли очень резкий. До этого приходилось временами наблюдать сильное освещение через аварийный иллюминатор. Приходилось отворачиваться или прикрываться, чтобы свет не попадал в глаза. А тут смотрю в один иллюминатор — на горизонте ничего не видно. Темно. В другой, «Взор», тоже смотрю — темно. Включилась солнечная система ориентации.

Начал расходоваться воздух. К моменту выхода из тени было примерно 150—152 атм. Я почувствовал, что, когда включилась система ориентации, угловое перемещение корабля изменилось и стало очень медленным, почти незаметным. По самому горизонту наблюдал радужную оранжевую полосу, напоминавшую по своей окраске цвет скафандра. Далее окраска немного темнеет и цветами радуги переходит в голубой цвет, а голубой переходит в чёрный... Вскоре корабль приобрёл устойчивое исходное положение для спуска. В это время была очень хорошая ориентация по «Взору». Во внешнем кольце весь горизонт был вписан совершенно равномерно. Видимые мною предметы двигались строго по стрелкам «Взора»... Приготовился к спуску. Закрыл правый иллюминатор. Притянулся ремнями, закрыл гермошлем и переключил освещение на рабочее.

Затем в точно заданное время прошла третья команда. Я почувствовал, как заработала ТДУ. Через конструкцию ощущался небольшой шум. Я засёк время включения ТДУ. Включение произошло резко. Время работы ТДУ составило точно 40 секунд. Как только выключилась ТДУ, произошёл резкий толчок, и корабль начал вращаться вокруг своих осей с очень большой скоростью. Скорость вращения была градусов около 30 в секунду, не меньше. Всё кружилось, то вижу Африку (над Африкой произошло это), то горизонт, то небо. Только успевал закрываться от солнца, чтобы свет не падал в глаза. Я поставил ноги к иллюминатору, но не закрывал шторки.

Мне было интересно самому, что происходит. Разделения нет. Я знал, что по расчёту это должно было произойти через 10—12 секунд после выключения ТДУ. По моим ощущениям, больше прошло времени, но разделения нет... Я решил, что тут не всё в порядке. Засёк по часам

время. Прошло минуты две, а разделения нет. Доложил по КВ-каналу, что ТДУ сработала нормально. Прикинул, что всё-таки сяду, тут ещё всё-таки тысяч шесть километров есть до Советского Союза, да Советский Союз тысяч восемь километров, до Дальнего Востока где-нибудь сяду. Шум не стоит поднимать. По телефону, правда, я доложил, что ТДУ сработала нормально, и доложил, что разделения не произошло.

Комментарий

Мне кажется, что в этом эпизоде чётко проявились особенности характера Гагарина. На них обратили внимание психологи ещё за год до полёта, когда шёл отбор в отряд космонавтов. 23 августа 1960 года прошла аттестация. В своём заключении комиссия, состоявшая в основном из врачей и психологов, отмечала:

«Любит зрелища с активным действием, где превалирует героика, воля к победе, дух соревнования. В спортивных играх занимает место инициатора, вожака, капитана команды. Как правило, здесь играют роль его воля к победе, выносливость, целеустремлённость, ощущение коллектива. Любимое слово — «работать». На собраниях вносит дельные предложения. Постоянно уверен в себе, в своих силах. Уверенность всегда устойчива. Его очень трудно, по существу невозможно, вывести из состояния равновесия. Настроение обычно немного приподнятое, вероятно, потому, что у него юмором, смехом до краёв полна голова. Вместе с тем трезво-рассудителен. Наделён беспредельным самообладанием. Тренировки переносит легко, работает результативно. Развит весьма гармонично. Чистосердечен. Чист душой и телом. Вежлив, тактичен, аккуратен до пунктуальности. Любит повторять: «Как учили!» Скромен. Смущается, когда «пересолит» в своих шутках. Интеллектуальное развитие у Юры высокое. Прекрасная память. Выделяется среди товарищей широким объёмом активного внимания, сообразительностью, быстрой реакцией. Усидчив. Тщательно готовится к занятиям и тренировкам. Уверенно манипулирует формулами небесной механики и высшей математики. Не стесняется отстаивать точку зрения, которую считает правильной. Похоже, что знает жизнь больше, нежели некоторые его друзья. Отношения с женой нежные, товарищеские».

Из доклада Ю. А. Гагарина:

Как мне показалось, обстановка не аварийная, ключом я доложил «ВН» — всё нормально. Лечу, смотрю — северный берег Африки, Средиземное море, всё чётко видно. Всё колесом крутится — голова, ноги. В 10 часов 25 минут 57 секунд должно быть разделение, а произошло в 10 часов 35 минут.

Разделение я резко почувствовал. Такой хлопок, затем толчок, вращение продолжалось. Все индексы на ПКРС погасли, включилась только одна надпись «Приготовиться к катапультированию». Затем чувствуется, начинается торможение, какой-то слабый зуд по конструкции идёт, это заметил, поставив ноги на кресло. Потом этот зуд проходит. Здесь я уже занял позу для катапультирования, сижу, жду.

Начинается замедление вращения корабля, причём по всем трём осям. Корабль стало колебать примерно на 90 градусов вправо и влево. Полного оборота не совершалось. По другой оси также колебательные движения с замедлением. В это время иллюминатор «Взора» был закрыт шторкой, но вот по краям этой шторки появляется такой ярко-багровый свет. Такой же багровый свет наблюдал и в маленькое отверстие в правом иллюминаторе. Слышно потрескивание. Я не знаю, или конструкция, или, может быть, расширяется тепловая оболочка при нагреве, или ещё что, но потрескивает нечасто. Так, в одну или, может быть, две-три минуты иногда треснет. В общем, чувствуется, температура высокая была.

Комментарий

За два дня до пуска Попович ночевал в одной комнате с Гагариным.

— Юра, а ты не зазнаешься? — Павел хитро прищурил глаза. — Вернёшься оттуда, — Попович неопределённо махнул рукой, — здороваться перестанешь...

— Да как ты мог подумать такое?! — удивился Гагарин. — Ну как ты мог такое сказать! Я же с вами всё время. Нет, ты меня не знаешь! Совсем не знаешь!

— Успокойся, я пошутил.

Гагарин повернулся, рванулся к Поповичу, обнял его.

— Понимаешь, обидно такое слышать, — он говорил быстро, проглатывая слова, — очень обидно. Ведь и ты мог быть первым, и Герман, все ребята. Я же не виноват, что выбрали меня.

За два часа до старта Попович рассказал об этом случае Сергею Павловичу. Королёв, невыспавшийся, расхаживал по бункеру: «Главный не в своей тарелке, — сказал один из стартовиков. — Его нужно отвлечь». Попович вспомнил о своей неудачной шутке — он понимал, что сейчас Королёв способен слушать только об одном человеке.

— Значит, обиделся? — Королёв улыбнулся. — Да, Юрий Алексеевич совсем иного плана человек. Я таких люблю... Павел Романович, стойте у этого телефона и не подпускайте меня, даже если буду ругаться. Хорошо?

Красный телефон. Если снять трубку и сказать всего одно слово, стартовая команда

сразу же прекратит подготовку к пуску. Всего одно слово — «отбой». Немногие имели право подходить к этому аппарату.

Павел понял Королёва.

— Хорошо, Сергей Павлович, я не разрешу вам звонить.

Тот усмехнулся и вновь стал расхаживать по бункеру. Поповичу показалось, что, когда объявили об очередной задержке на старте, Сергей Павлович направился к телефону.

Павел преградил ему путь:

— Вы сами приказали не пускать...

Лицо Королёва начало краснеть. Наступила тишина, здесь хорошо знали, что характер у Главного крутой.

По громкой связи объявили, что подготовка к пуску вновь идёт по графику. Королёв сразу успокоился.

Потом уже в Москве он сказал Поповичу:

— Молодцом вёл себя там, у телефона. И в космосе надо так же держаться, теперь знаю, что и его выдержишь...

Из доклада Ю. А. Гагарина:

Потом свет во «Взоре» начинает слабеть, и начинают плавно расти перегрузки. Колебания шара всё время продолжаются. К моменту максимальных перегрузок, по моим наблюдениям, вращение было примерно градусов пятнадцать. Всё время я наблюдал Солнце... К этому времени я чувствовал, что корабль идёт с некоторым подрагиванием. Перегрузка, по моим ощущениям, была за 10 ед. Был такой момент примерно секунды две-три. Начали расплываться приборы, немножко сереть, но поднапрягся — всё нормально, всё на своих местах. И этот пик очень малый, затем начинается спад перегрузок. Перегрузки падают плавно и более быстро, чем нарастают, думаю, сейчас, наверное, буду катапультироваться.

Уже когда перегрузки спали, очевидно, после перехода звукового барьера, слышен свист воздуха, свист ветра. Слышно, как шар идёт уже в плотных слоях атмосферы. Свист слышен, как обычно в самолётах, когда они пикируют. Понял, что сейчас будем катапультироваться. Настроение хорошее. Ясно, что это я не на Дальнем Востоке сажусь, а где-то здесь, вблизи. Разделение, как я заметил (и там глобус остановился у меня), произошло приблизительно на середине Средиземного моря.

Комментарий

Если внимательно присматриваться к первым фотографиям вернувшегося из космоса Гагарина, нетрудно заметить, что у него очень бледное лицо. Можно только догадываться, что пережил он, поняв, что отказала система посадки, что всё может закончиться трагически. Он стоял на краю пропасти и, может быть, уже даже прощался со всем земным... Но ни одним словом, ни единым жестом не показал это!

Когда говорят о подвиге в космосе, то я сразу же вспоминаю эти бесконечно долгие минуты полёта Юрия Гагарина...

В своих воспоминаниях Ю. А. Мозжорин — «Главный космический цензор» и директор Центрального научно-исследовательского института машиностроения (ЦНИИМаш) — рассказывает об одном из эпизодов подготовки полёта человека в космос, не известных общественности:

«С целью сокращения времени выхода в эфир сообщения ТАСС институтом по поручению начальства было подготовлено три варианта коммюнике. Первый — торжественный, рассчитанный на успех, где помимо сообщения об историческом полёте добавлялись биография космонавта, его портрет, информация о повышении в воинском звании, присвоении почётных наград и т.п. Второй вариант содержал только одно сообщение ТАСС в случае невыхода корабля на орбиту и его приземления (или приводнения). Говорилось о неудачной попытке выведения КА, приводились район приземления (приводнения) космонавта, а также частоты, излучаемые радиомаяками корабля. Содержалось обращение к народам и правительствам с просьбой оказать содействие в поиске и спасении космонавта и возвращении его в Советский Союз вместе с кораблём. Третий вариант коммюнике содержал сообщение о трагической гибели первого космонавта...»

Три разных текста, согласованных с С. П. Королёвым и в ЦК партии, были положены в три пакета, которые были отправлены на радио и телевидение и в ТАСС. Вскрыть один из них было приказано по специальному звонку по «кремлёвскому телефону». Кстати, из-за нерасторопности в Министерстве обороны (там долго присваивали звание «майор» Юрию Гагарину) звонок с приказом открыть конверт № 1 поступил на сорок минут позже старта «Востока».

Оставшиеся два пакета после приземления Юрия Гагарина были изъяты специальными курьерами и уничтожены.

Это единственный случай в истории космонавтики, когда заранее заготавливались три возможных варианта старта в космос. Позже делался и согласовывался только «торжественный» вариант. А когда случались аварии и трагедии, то ждать информации о них приходилось по многу часов...

Из доклада Ю. А. Гагарина:

Значит, все нормально, думаю, сажусь. Жду катапультирования. В это время на высоте примерно около 7 тысяч метров происходит отстрел крышки люка № 1: хлопок — и ушла крышка люка. Я сижу и думаю, не я ли катапультировался? Так тихонько голову кверху повернул, и в

этот момент выстрел — и я катапультировался — быстро, хорошо, мягко, ничем не стукнулся. Вылетел с креслом. Смотрю, выстрелила эта пушка, ввёлся в действие стабилизирующий парашют. На кресле сел как на стуле. Сидеть на нём удобно, очень хорошо и вращает в правую сторону. Начало вращать на этом стабилизирующем парашюте.

Я сразу увидел: река большая — Волга. Думаю, что здесь больше других рек таких нет, — значит, Волга. Потом смотрю, что-то вроде города, на одном берегу большой город и на другом значительный. Думаю, что-то вроде знакомое. Катапультирование произошло над берегом, по-моему, приблизительно около километра. Ну, думаю, очевидно, ветерок сейчас меня потащит туда, буду приводняться. Отцепляется стабилизирующий, вводится в действие основной парашют — и тут мягко так, я ничего даже не заметил, стащило. Кресло ушло от меня, вниз пошло.

Я стал спускаться на основном парашюте... Думаю, наверное, Саратов здесь, в Саратове приземляюсь. Затем раскрылся запасной парашют, раскрылся и повис вниз, он не открылся, произошло просто открытие ранца.

Тут слой облачков был, в облачке поддуло немножко, раскрылся второй парашют, наполнился, и на двух парашютах дальше я спускался. Наблюдал за местностью, видел, где приземлился шар и белый парашют. Шар приземлился недалеко от берега Волги, примерно в четырёх километрах от него я приземлился. Лечу, смотрю, справа от меня, как меня ветер несёт, полевой стан видно, много народу и машины есть, дорога проходит. Я уже дорогу прошёл — шоссе идёт на Энгельс, дальше там такой овраг, речушка. И слева, немного за оврагом, домик. И вижу там какая-то женщина телёнка пасёт... Ну, думаю, сейчас я, наверное, угожу в этот самый овраг.

Несёт меня, несёт, но ничего не сделаешь, купола красивые, оранжевые, я чувствую, все смотрят оттуда. Смотрю, как раз я приземляюсь на пашню, думаю, сейчас приземлюсь спиной. Попробовал развернуться, но некуда — в этой системе трудно развернуться.

Но перед землёй меня, наверное, метров за тридцать плавно повернуло прямо лицом по сносу. Ну, думаю, сейчас ветерок метров пять—семь. Только успел я это подумать, смотрю земля, ногами — тук. Причём приземление очень мягкое было... Уже на земле шлем открыл, с закрытой шторкой приземлялся. Трудно было с открытием клапана дыхания в воздухе, получилась такая вещь, что этот клапан, когда одевали, попал под демаскирующую оболочку — и он под подвесной системой, под этой демаскирующей оболочкой, так всё притянуло, минут шесть я всё старался его достать. Но потом взял, расстегнул демаскирующую оболочку, с помощью зеркала вытащил этот самый тросик и открыл его нормально.

Вышел на пригорок, смотрю, женщина идёт с девочкой сюда ко мне, может быть, метров восемьсот она была от меня. Я к ней иду, смотрю, она шаги замедляет, потом от неё девочка отделяется и назад пошла. Тут я начал махать, кричать: «Свой, свой я, советский, не бойтесь, не пугайтесь, идите сюда!» Неудобно идти в скафандре, но всё-таки я иду к ней. Я подошёл, сказал, что я советский человек, прилетел из космоса. Познакомились с ней, я говорю: «Где можно позвонить, как сообщить властям?» Рассказала, что можно говорить с полевого стана, там машину взять. «Ну что же, идёмте тогда туда, к парашютам. Вы никому не разрешайте трогать это место, парашюты, а я схожу до полевого стана. Сейчас сниму скафандр и пойду туда».

Только подходим к парашютам, здесь идут мужчины: трактористы, механики с этого полевого стана, шесть человек подошли. Познакомились мы с ними, я им сказал, кто я. Они сказали, что вот сейчас только передают сообщение по радио, слушали. Мы с ними минуты три поговорили, смотрю, подлетает на ЗИЛ-151 майор-артиллерист Галимов из дивизиона. Я попросил как можно быстрее сообщить в Москву.

Приехали в часть, он вызвал командный пункт дивизии. Потом вызвали командующего округом, через командующего округом доложили в Москву обо всём.

После доклада была дана команда на месте приземления задержаться. Я там с ними на радостях сфотографировался пару раз. Я уже скафандр снял, на мне была только голубая тепловая одежда, а в оранжевой оболочке и гермошлеме я не фотографировался. Скафандр мы положили в машину, а когда уезжали, я видел, вертолёт шёл от Энгельса (я уже узнал, что это Энгельс) на место приземления.

Мы поехали на место приземления, я знаю, что поисковая партия прибыла туда на вертолёте. Едем по шоссе, и смотрю, вертолёт поднялся и идёт к военному гарнизону. Мы выскочили из машины, помахали ему, они приземлились. Приземлились генерал и с ним И. Борисенко. Взяли меня на борт, я сказал, что была команда, сейчас прилетят генерал Каманин, генерал Агальцов, чтобы мне быть около места приземления. Садимся около места, там, где лежат мои парашюты. Мне передали команду, чтобы лететь в город Энгельс.

Комментарий

Кстати, уже на следующий день мы, журналисты, и космонавты получили распоряжение ни в коем случае не упоминать о том, что Гагарин катапультировался и приземлился на парашюте. Оказывается, его полёт международная организация, регистрирующая авиационные и космические достижения, могла «не засчитать». Спортивный комиссар, занимавшийся регистрацией параметров полёта, Иван Борисенко, в своих документах указывал, что космонавт приземлился в корабле...

Из-за этой формальности четверть века подробности возвращения из космоса замалчивались, а точнее — искажались. Нелепо? Безусловно... Но подобных несуразностей в истории космонавтики немало...

Из доклада Ю. А. Гагарина:

Мы сразу поднялись и полетели в Энгельс. Как только вышли из вертолёта, генерал Евграфов подаёт телеграмму от Н. С. Хрущёва. Тут я прослезился, наплыв чувств таких просто... Быстро перешли на КП. Я доложил главному маршалу авиации о выполнении задания. Он меня поздравил, поблагодарил, поздравил с присвоением воинского звания майор. Главнокомандующий сказал, что соединяет меня с Н. С. Хрущёвым и Л. И. Брежневым. Я подождал — соединили с тов. Брежневым. Я доложил о выполнении задания, о том, что все системы работали хорошо, приземление произошло в заданном районе, чувствую себя хорошо. Он поздравил, пожелал всего хорошего. Я поблагодарил. Он сказал, что будет звонить Н. С. Хрущёв.

В это время мы приняли решение с генералом Агальцовым и поехали на ВЧ, вскоре позвонил Н. С. Хрущёв. Я доложил о выполнении задания, о работе всех систем, о своём самочувствии. Он поблагодарил за выполнение задания, поздравил с окончанием полёта, с выполнением задания, поинтересовался моей семьёй, родителями. Я сердечно поблагодарил Н. С. Хрущёва за его отеческую заботу. Он сказал мне: «До скорой встречи в Москве!»

Комментарий

Не вижу ничего странного в том, что Юрий Гагарин часто ссылается на Хрущёва. Время было такое, да и культ Никиты Сергеевича уже насаждался в стране довольно активно. Естественно, идеологическая машина не могла не использовать достижения в космосе. Тем более что иного, чем можно было бы похвалиться, было маловато...

В книге «Дорога в космос» Юрия Гагарина немало эпизодов, связанных с упоминанием Хрущёва. Это понятно, так как книга — это литературная запись, сделанная двумя правдистами — Сергеем Борзенко и Николаем Денисовым. Но не переиздавать из-за этого книгу, где рассказывается о детстве Юрия, о его пути в авиацию и космос, на мой взгляд, неверно. Ведь другой книжки воспоминаний самого Гагарина так и не появилось. Издавались только речи и выступления первого космонавта, но они писались, как известно, журналистами. И автором этих комментариев к полёту в том числе...

Из доклада Ю. А. Гагарина:

Затем было поздравление корреспондента «Правды», корреспондента «Известий» и главного агитатора-пропагандиста Ильичёва. Я поблагодарил их за те тёплые дружеские слова, которые они высказали в мой адрес. Меня попросили сказать несколько слов для «Правды», поздравили с подвигом, на что я ответил, что, собственно, подвиг не столько мой, сколько всего советского народа, всех инженеров, техников, советской науки. После этого было принято решение генерал-полковником Агальцовым лететь сюда, в Куйбышев. С трудом пробились через толпу... Толкучка! Пробрались к машине.

Поехали на аэродром. Все к самолёту. Прилетели. Здесь уже все...»

Встречались после апреля 1961-го Королёв и Гагарин редко. Только на космодроме, провожая вместе новые космические корабли. Даже в Звёздный городок Сергей Павлович не мог приезжать часто — он работал без праздников и выходных, словно торопился сделать как можно больше. Пилотируемые полёты. Луна, Марс, Венера... А жить оставалось так недолго...

Гагарин тоже не принадлежал себе. Много ездил, встречался с людьми, готовился к полёту.

Но Сергей Павлович внимательно следил за выступлениями Гагарина, его статьями, поддерживал его стремление учиться.

Иногда говорят, что Королёв относился по-отцовски к Гагарину. Это не совсем точно. Он стал для первых космонавтов планеты Учителем, точно так же, как для него самого им был К. Э. Циолковский.

Все видели и знают улыбку Гагарина, но я помню его слёзы. В тот день, когда Москва прощалась с Сергеем Павловичем Королёвым. Мы вместе с Юрием стояли в почётном карауле...

Апрельское утро 1961 года окончательно и на века соединило судьбы Сергея Павловича Королёва и Юрия Алексеевича Гагарина. Им, представителям двух поколений советских людей, суждено было войти в историю нашей цивилизации вместе.

В тот день первый космонавт планеты говорил и от имени Главного конструктора: «Вся моя жизнь кажется мне одним прекрасным мгновением!»